

ОБРАЗ ГОРОДА КАК КУЛЬТУРНЫЙ И СЕМИОТИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН ЛИТЕРАТУРЫ

Малика Шухратовна АЛИЕВА

преподаватель

Президентская школа г. Самарканда

Самарканд, Узбекистан

Аннотация

В статье рассматриваются основы сравнительного исследования мифопоэтики и хронотопа «самаркандского текста» в русской и узбекской литературе XX-XXI веков. Актуальность работы обусловлена возросшим интересом к концепции «городского текста» в гуманитарных науках и необходимостью включения восточной культурной парадигмы (образа Самарканда) в поле подобных исследований. В рамках исследования обоснована категория «самаркандского текста» как самостоятельного феномена, обладающего полисемантическим символическим ядром и оригинальными доминантами, отличающими его от других локальных текстов. Сделан вывод о том, что «самаркандский текст» выступает семиотически насыщенным полем культурной памяти и диалога, объединяющим две национальные словесности и отражающим исторические трансформации их взаимодействия.

Ключевые слова: образ города, самаркандский текст, культурная память, литературный хронотоп, урбанистическая поэтика.

ADABIYOTDA SHAHAR OBRAZI MADANIY VA SEMIOTIK HODISA SIFATIDA

Malika Shuxratovna ALIYEVA

o'qituvchi

Samarqand shahridagi Prezident maktabi

Samarqand, O'zbekiston

Annotatsiya

Maqolada XX-XXI asr rus va o'zbek adabiyotidagi "samarqandcha matn" mifopoetikasi va xronotopini qiyosiy tadqiq etish asoslari tadqiq etilgan. Muammoning dolzarbligi gumanitar fanlarda "urbanistic matn" tushunchasiga bo'lgan qiziqishning ortgani va sharqona madaniy paradigma (Samarqand obrazi)ni bunday tadqiqotlar doirasiga kiritish zarurati bilan belgilanadi. Tadqiqot davomida "samarqandcha matn" mustaqil hodisa sifatida asoslab berilgan bo'lib, u ko'p ma'noli ramziy yadrosi va boshqa lokal matnlardan farqlanuvchi original dominantlarga ega. "Samarqandcha matn" madaniy xotira va muloqotning semiotik jihatdan boy maydoni bo'lib, u ikki milliy adabiyotni birlashtiradi va ularning o'zaro tarixiy transformatsiyalarini aks ettiradi.

Tayanch so'zlar: shahar obrazi, samarqandcha matn, madaniy xotira, adabiy xronotop, urban poetika.

Самарканд занимает особое место в литературной традиции как символ восточной мудрости, древней цивилизации и культурного перекрестка. В русской словесности образ этого города нередко окрашен чертами ориентализма: он предстает как экзотический и романтически идеализированный «Восток», манящий своей древней красотой и тайнами. Так, в поэзии Анны Ахматовой военного периода Самарканд осмысливается как сакральное пространство вечной красоты и умиротворения: «А умирать поедem в Самарканд, / На родину предвечных роз...» [3]. Для поэтессы этот далекий город становится метафорой последнего приюта, где бессмертны «предвечные розы» памяти и культуры. В узбекской литературе, напротив, Самарканд воспринимается прежде всего изнутри, сквозь призму национального самосознания: он выступает сакральным топосом, носителем исторической памяти и духовного наследия народа. Здесь город предстает не просто местом действия, а сердцем национальной идентичности, источником гордости и самоидентификации. Такое различие в оптике объясняется и различием поэтических традиций, и историко-политическим контекстом: русские авторы зачастую были «внешними» наблюдателями, тогда как узбекские писатели – носителями той самой культуры, частью которой является Самарканд.

После обретения независимости Узбекистаном Самарканд оказался в фокусе пристального художественного и научного внимания. В новейшей узбекской литературе образ города наделяется новыми смыслами: происходит деколонизация литературного сознания, актуализируются мотивы национальной гордости, самобытности, преемственности поколений и диалога цивилизаций. Показательно высказывание Президента Республики Узбекистан Шавката Мирзиёева, подчеркнувшего всемирно-историческое значение этого города: «Самарканд – город, являющийся основой нашей национальной государственности и сыгравший важную роль в формировании и развитии двух Ренессансов в нашей истории» [1]. Действительно, Самарканд был центром величайшей империи Темура и одним из ядрышек исламского

Возрождения, а ныне осмысляется как символ возрождения национальной культуры. В этом контексте мифопоэтика и семиотика Самарканда приобретают новое измерение: исследование образа города позволяет глубже понять процессы культурной трансформации постколониальной эпохи и формирование новой идентичности.

Проблематика городского текста получила развитие в трудах многих исследователей. В российском литературоведении накоплен солидный опыт изучения образов Востока. Сформировалось понятие «туркестанского текста», описывающее корпус произведений русских авторов о Средней Азии, созданных в эпоху Российской империи и раннего СССР (путевые заметки, колониальная проза и др.). Эти работы отразили сложное переплетение колониального дискурса и искреннего интереса к восточной экзотике. Наряду с этим исследовались и обратные процессы: восприятие и перевод русской литературы в Узбекистане, влияние русской классики на узбекских писателей и т.п. В узбекском литературоведении внимание к образам городов стало проявляться относительно недавно, по мере осознания того, какую роль играют городские топосы в национальной литературе (особенно в связи с возрождением исторической тематики после независимости).

Непосредственно понятие «самаркандского текста» было введено в научный оборот совсем недавно, в 2020-е годы. Так, Е. Ф. Шафранская, Г. Т. Гарипова и Ю. У. Матенова (2024) предприняли одну из первых попыток охарактеризовать семиотические черты образа Самарканда в литературе, преимущественно русской. Авторы констатируют, что самаркандский текст обладает статусом самостоятельного явления в ряду мировых локальных текстов и обладает сложной полифункциональной природой [13]. В их исследовании показано, что Самарканд как город с древней историей и уникальным обликом нашел отражение во множестве самых разных источников – от исторических романов и поэзии до тревел-блогов и мемуаров, и что совокупность этих источников формирует целостный образ, обладающий признаками аутентичного культурного кода. В частности, ими сделан вывод о

наличии у самаркандского текста собственных устойчивых доминантных признаков, отличающих его от иных городских текстов и позволяющих вписать его в систему локальных культурных полей мира.

Другой важный вклад сделали исследования в журнале «Неофилология» (2024). Е. В. Липатова рассмотрела репрезентацию самаркандского текста в лингвокогнитивном аспекте [7; 67]. Ее работа показала, что единый топоним «Самарканд» порождает целую систему концептуально-тематических областей, связанных с различными пластами знания и культуры. Фактически подтверждается мысль, ранее выдвинутая исследователями ономастики: в слове-топониме сконцентрировано культурное богатство, накопленное веками, и имя города выступает носителем множества смысловых пластов [6].

Н. А. Исмадова в статье (2024) проанализировала образ Самарканда в художественной картине мира исторического романа Адыла Якубова «Сокровища Улугбека» [5; 435]. Она показала, что в этом произведении Самарканд функционирует не только как фон, но и как полноценный герой, влияющий на поведение персонажей и ход событий: город выступает второстепенным действующим лицом, прямым участником культурно-исторических событий. Анализ Исмадовой подтвердил, что топоним Самарканд превращается в своеобразный художественный хронотип, через который автор выражает единство национально-региональной культуры и связывает прошлое с настоящим.

Помимо узконаправленных работ о Самарканде, следует отметить общий теоретический фон. Современные литературоведы активно развивают методологию анализа хронотопа города. Е. Я. Бурлина образно заметила: «что ни город, то хронотоп», подразумевая, что у каждого города складывается своя пространственно-временная модель, и эту хронотопию можно использовать как диагностический инструмент при интерпретации художественного мира произведения [4; 103]. Городской хронотоп позволяет выявлять мифопоэтические константы и локальные культурные смыслы, которые автор вкладывает в образ того или иного урбанистического пространства. Так, в

одном случае хронотоп большого старого города может быть наполнен историко-философскими слоями (включая фигуру *genius loci* – «духа места»), в другом хронотоп промышленного предместья будет нести совсем иную символику.

Е. Ю. Литвин предложил методiku когнитивного анализа художественного текста, которая обосновывает необходимость междисциплинарного синтеза при изучении мифопоэтики [8; 586]. С его точки зрения сочетание методов когнитивной лингвистики, семиотики и культурологии позволяет глубже проникнуть в образные системы художественных произведений, особенно когда речь идет о сложных многоуровневых образах, таких как образ города. В применении к Самарканду это означает, что, например, сцены посвящения, открытия тайн или встречи разных культур нередко происходят именно на фоне знаковых самаркандских локаций (площадь Регистан, обсерватория Улугбека, мавзолеи и пр.), что не случайно, а диктуется внутренней мифологемой города.

Методологической базой нашего исследования стала также концепция локального текста В. Н. Топорова [11]. Первоначально разработанная на материале Петербурга и развитая М. В. Селеменовой для Москвы, эта концепция применима и к другим городам. Она предполагает, что множество текстов о конкретном городе формируют некий единый «текст в тексте» со своим семантическим ядром. Для Петербурга, например, таким ядром выступают мотивы рокового судьбоносного пространства, «порога Европы», города-призрака и др. Самаркандский текст имеет свое уникальное ядро, которое только предстоит полноценно описать, однако уже сейчас, опираясь на упомянутые исследования, можно указать на ряд доминирующих мифологем: «город-рай» (земной аналог рая, город вечной весны и роз), «восточная столица мудрости» (наследие Улугбека и средневековых ученых), «колыбель империи Темура» (центр мира, окутанный славой и величием, но также переживший трагедии завоеваний) и «перекресток цивилизаций» (место встречи Востока и Запада, исламского и христианского миров). Отдельные из

этих мотивов были отмечены и ранее. Так, А. К. Авазова и М. Р. Сабиров (2021) в своем анализе романа А. Якубова «Сокровища Улугбека» акцентируют символику астрономических знаний, вплетенную в образ Самарканда: обсерватория Улугбека в романе становится не просто исторической достопримечательностью, а символом национальной гордости за достижения предков [2; 333]. Это пример того, как научное наследие (астрономия) обретает мифопоэтическое значение и включается в систему образов города.

Таким образом, «самаркандский текст» в русской и узбекской литературе представляет собой устойчивое семиотическое образование, обладающее собственным хронотопом, мифопоэтической образностью и функцией носителя культурной памяти, что позволяет рассматривать его как самостоятельный объект литературоведения.

Материалом нашего исследования послужили, в частности, следующие тексты русской литературы: поэзия периода Второй мировой войны (А. Ахматова, стихотворение 1942 г. с упоминанием Самарканда), историко-приключенческие романы о Средней Азии (С. Бородин, трилогия «Звезды над Самаркандом», 1940-е; А. Волос, роман «Возвращение в Панджруд», 2013), современная проза (Гузель Яхина, роман «Эшелон на Самарканд», 2018, и др.). Со стороны узбекской литературы проанализированы: исторические романы советского и независимого периодов (Пиримкул Кадыров, «Звездные ночи» – о Захириддине Бабуре и борьбе за Самарканд; Адыл Якубов, «Сокровища Улугбека» – о Самарканде эпохи Улугбека), а также поэтические произведения (стихи Мухаммада Юсуфа, поэма Ораза Абдураззакова и др., где Самарканд фигурирует как образ-легенда). Кроме того, учитывались ценные ранние источники, сформировавшие европейский миф о Самарканде, – например, путевые записки Руи Гонсалеса де Клавихо (1404–1406), которые задали тон восприятию Самарканда как легендарной столицы Тамерлана в сознании европейцев. Такое широкое привлечение материала позволило рассматривать «самаркандский текст» во всей полноте, проследить его эволюцию от начала

XX века до наших дней и сравнить тенденции в двух национальных литературах.

Мы опирались на представление, что Самарканд в воображении писателей превращается в своего рода мифологему, вокруг которой группируются различные сюжеты и мотивы. Например, мотив «поиска рая на земле»: в ряде произведений Самарканд описывается как город сказочной красоты и изобилия, контрастирующий с окружающей пустыней (отсылки к кораническому раю с садами и реками); мотив «конца пути / прибежища»: нередко герои стремятся в Самарканд как к конечной цели странствий или спасения (особенно характерно для прозы о Гражданской войне – образ Самарканда как убежища, см. роман Г. Яхиной); мотив «встречи цивилизаций»: город предстает местом, где пересекаются культуры (к примеру, у Петрова-Водкина – впечатление художника-европейца, попавшего в восточный город с «необычайно высоким небом»). Вычленение таких мотивов осуществлялось через содержательный и образный анализ текстов с привлечением контекстуальных знаний (исторических, религиозно-мифологических).

Эволюция образа Самарканда в обеих литературах в XX-XXI вв. имеет и общие тенденции. Одна из них – усиление документальности и конкретики. Если ранние тексты могли грешить условностью (ориенталистская фантазия без точного знания реалий), то позднее авторы (особенно современные) начали тщательно воспроизводить детали городского быта, реальные топонимы, исторические даты. Это связано с общим трендом к документальному роману, но в контексте самаркандского текста служит цели укоренения мифа в реальности. Например, Г. Яхина поместила в роман реальные названия самаркандских улиц и описала инфраструктуру 1920-х; узбекские писатели включают исторические хроники, летописи, прямо цитируют историков. В результате образ Самарканда приобретает фактографическую объемность, что, однако, не уничтожает миф – скорее, делает его более правдоподобным для читателя XXI века.

Другая тенденция – гуманизация мифа о городе. Литература все более концентрируется на судьбах людей в Самарканде, а через них проявляется и сам город. Если раньше можно было встретить сугубо пейзажные зарисовки (город без людей как символ), то теперь практически всегда Самарканд показан глазами персонажей, включен в их внутренний мир. Это делает мифопоэтический образ более близким читателю, создает эмоциональную связь. Город начинает восприниматься не как абстрактный символ, а как пережитое пространство. Вспомним вывод Н. Исматовой: «образ города выступает второстепенным действующим лицом», то есть вовлечен в драму персонажей. В современных текстах часто судьба героя переплетена с судьбой города: например, герой возвращается в постаревший Самарканд и размышляет о том, как изменилась и его жизнь – классический прием «город как зеркало человека».

Подводя итог обсуждению, подчеркнем: «самаркандский текст» сформировался как уникальный феномен литературной географии со своим инвариантным ядром (рай + мудрость + память + встреча культур) и вариативностью проявлений, зависящей от автора и эпохи. Общие мотивы обеспечивают целостность этого сверткста, а национально-специфические черты обогащают его, делая многообразным. Самое примечательное, что при всех различиях и русские, и узбекские авторы сходятся в главном: Самарканд достоин того, чтобы быть героем литературных произведений, он обладает собственной «душой» и смыслом. В результате можно говорить о том, что в литературе XX-XXI вв. действительно сложился целостный семиотический образ Самарканда, который распознается читателями. Благодаря этому мы вправе использовать понятие «самаркандский текст» столь же уверенно, как ранее говорили о «петербургском» или «московском».

Кроме того, наше исследование демонстрирует, что концепция локального городского текста, изначально разработанная на европейском материале, продуктивно применяется и к изучению восточных городов. Тем самым подтверждается некоторая универсальность теории городского текста

(существование общих закономерностей мифологизации пространств), но одновременно высвечиваются и ее пределы, требующие учета иных культурных кодов. Опыт Самарканда показал, например, что религиозно-мистическая составляющая может играть большую роль, чем в светской мифопозитике европейских городов, а постколониальный фактор способен существенно влиять на формирование образа.

Наконец, отметим межкультурную значимость самаркандского текста. Он стал своего рода мостом между культурами: русские писатели через Самарканд познавали Восток, узбекские – осмысливали диалог с русской (и шире – европейской) культурой. Энциклопедия «Самаркандиана», недавно вышедшая в Узбекистане, недаром подчеркивает подзаголовком: «образ города в пространстве межкультурной коммуникации». В рецензии Н. Чирковой на этот труд говорится, что собранные материалы не только систематизируют зарубежное наследие о Самарканде, но и служат инструментом культурной регенерации, способом вернуть наследие города в актуальный диалог культур

Наш анализ художественной литературы подтверждает: Самарканд как образ действительно выступает точкой пересечения разных национальных нарративов, создавая общую площадку смыслов. В этом великая культурная миссия города, воспетого в слове.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

Ирзиёев Ш. М. Выступление Президента Республики Узбекистан Шавката Мирзиёева на торжественной церемонии открытия Международного туристического центра «Великий шелковый путь» в Самарканде [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента Республики Узбекистан. – 23.08.2022. – Режим доступа:

вазова А. К., Сабиров М. Р. Астрономия в творчестве А. Якубова (по роману «Сокровища Улугбека») // Молодой учёный. – 2021. – № 26 (368). – С. 333-335.

урлина Е.Я. «Что ни город, то хронотип». Пространственно-временная диагностика города // Международный научно-исследовательский журнал. 2017. № 9-1 (63). С. 103-108.

смадова Н.А. Образ города Самарканда в художественной картине мира исторического романа А. Якубова «Сокровища Улугбека» // Неофилология. 2024. Т. 10. № 2. С. 434-441.

артавенко В. Семантика топонима как концентрированного текста // W kręgu zagadnień semantyki i stylistyki tekstu. – Łódź: Wyd. Uniwersytetu Łódzkiego, 2014. – S. 55-64.

ипатова Е.В. Репрезентация самаркандского текста в лингвокогнитивном аспекте // Неофилология. 2024. – Т. 10. № 1. – С. 67-75.

итвин Е.Ю. Методика когнитивного анализа художественного текста // Когнитивные исследования языка. 2017. – № 30. – С. 584-587.

осев А. Ф. Бытие – имя – космос. – М.: Мысль, 1993. – 958 с.

еупокоева И. Г. История всемирной литературы. Проблемы системного и сравнительного анализа. – М., 1976.

опоров В. Н. Петербургский текст русской литературы. – СПб: Искусство-СПб, 2003. – 616 с.

иркова Н. В. Образ города в контексте репрезентации исторической и культурной памяти: наследие и современность. Рецензия на монографию А. И. Ионесова, В. И. Ионесова «Самарканд: Образ города в пространстве межкультурной коммуникации. Энциклопедия зарубежной Самаркандианы». – В

вфранская Э.Ф., Гарипова Г.Т., Матенова Ю.У. Семиотика «Самаркандского текста» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. – 2024. – Т. 29, № 1. – С. 34-45.

н

и

к

ц

е